

91-3

7829 РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
-1a ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ

ТОМ

1

«ТЕРРА» - «TERRA»
МОСКВА 1991

КОНТРОЛЬНАЯ ЗАКЛЮЧКА

ББК 63.3(2)

Н 37

Авторский коллектив:

Доктор исторических наук, профессор *Кулешов С. В.* (руководитель),
доктор исторических наук, профессор *Волобуев О. В.* (зам. руководителя),
доктор исторических наук, профессор *Пивовар Е. И.* (зам. руководителя),
доктор исторических наук, профессор *Афанасьев Ю. Н.*, кандидат исторических наук *Зеерев В. В.*, доктор исторических наук *Иоффе Г. З.*, *Кондратов С. А.*, кандидат исторических наук *Медушевский А. Н.*, кандидат исторических наук *Секиринский С. С.*, кандидат исторических наук *Филиппова Т. А.*, доктор исторических наук, профессор *Чиковани А. Ю.*, доктор исторических наук, профессор *Шелохаев В. В.*

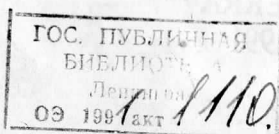
Н 37 **Наше Отечество. Часть I/Кулешов С.В., Волобуев О.В.,
Пивовар Е.И. и др. - М.: ТЕРРА, 1991 - 390 с.**
ISBN 5-85255-082-5

Н $\frac{0503010000 - 71}{А 30(03) - 91}$ без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-85255-082-5

© Издательский центр «ТЕРРА», 1991.

91-34630

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К читателю</i>	4
<i>Глава 1. Исторические судьбы народов</i>	8
<i>Глава 2. Формирование российской государственности</i>	39
<i>Глава 3. Начало гражданского раскрепощения</i>	76
<i>Глава 4. Первый шаг к правовому государству</i>	113
<i>Глава 5. В поисках социалистической перспективы</i>	163
<i>Глава 6. Царизм и модернизация России: охранительные тенденции и попытки реформ</i>	201
<i>Глава 7. Либеральная альтернатива в начале XX в.</i>	260
<i>Глава 8. Революционные партии: борьба за демократическую республику и социалистический выбор</i>	298
<i>Глава 9. 1917 год: почему Февраль? почему Октябрь?</i>	342

В ПОИСКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

«В многотысячелетней исторической трагедии, для масс населения полкой крови, страданий, преступлений, нищеты, тяжелых условий жизни, которые мы называем всемирной историей, многократно возникал вопрос о лучшем устройстве жизни и о способах, которыми можно этого достигнуть».

В. И. Вернадский

«Человек будущего в России — мужик».

А. И. Герцен

«Человек будущего в России — рабочий...»

В. И. Ленин

Герцен: западноевропейский социализм и российская действительность — Что делать? — Революционеры и реформаторы. — Три течения в народничестве. — «Пропагандисты» и народовольческий террор. — Кризис начала 80-х годов: политическая борьба или культурничество. — Крестьянин или рабочий? — Две социалистические идеологии: народничество и марксизм на исходе XIX в.

Вера в историческое предназначение России в сочетании с усвоенными и переработанными идеями западноевропейской социалистической мысли послужила основой народничества — русской разновидности крестьянского социализма. Значительную роль в выработке теории, которая на долгие годы стала господствующей в освободительном движении, сыграла напряженная полемика, развернувшаяся между западниками и славянофилами. Столкновение «друзей-врагов» по кардинальному вопросу того времени: каким путем должна идти Россия в будущее, — используя опыт своего тысячелетнего развития или взяв на вооружение достижения западной культуры, — послужило предпосылкой для синтеза народнических взглядов.

При всем различии подходов к разрешению поставленной проблемы и западники, и славянофилы были едины в одном — патриотизме, горячей любви к родине, стремлении найти идеал общественного устройства. Как справедливо писал А. И. Герцен в «Былом и думах», «у них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество;

чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны в то время как сердце билось одно».

Основоположником русского социализма стал А. И. Герцен. Еще в студенческие годы он вместе со своим другом Н. П. Огаревым увлекся учением Р. Оуэна и К. Сен-Симона. Очень ярко и образно настроение юношей передал словами героя одной из своих поэм Огарев:

«...Мы — дети декабристов
И мира нового ученики,
Ученики Фурье и Сен-Симона.
Мы поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобождению,
Основую положим сощьялизм,
И чтоб достичь священной нашей цели,
Мы общество должны составить в тайне...»

Но страстно желая ниспровержения существовавшего строя в России, Герцен вместе с тем опасался, что революция в стране может превратиться в российский бунт, привести к безвинным жертвам, страданиям народа. Подобная перспектива его пугала и настораживала. Свидетель подавления революционного выступления 1848 г. в Париже, Герцен разочаровался в социалистических идеях Западной Европы, отказался от своих прежних надежд на их преобразующую силу. Кровь, пролитая на парижские мостовые, беспощадный расстрел рабочих побудили его к переосмыслению своего мировоззрения. В своих теоретических поисках Герцен обратился к изучению самобытности жизни русской деревни.

Ключевым условием общественных преобразований в России он считал освобождение от крепостной зависимости крестьянства. По его мысли, свободные сельские труженики, объединенные в производственные ассоциации, смогут в условиях коллективной собственности на землю перейти к справедливому устройству своей жизни. Непосредственные предпосылки для этого Герцен находил в общинном характере землепользования и артельном производстве. Именно община с ее демократическими традициями, периодическими переделами земли, совместным владением лугами, пастбищами, лесами, должна была стать зародышем «экономических и административных установлений» будущего общества.

Герцен понимал, что предпосылки такого рода были ничем иным как «сырым материалом нашего быта». Отсутствие в общине внутренней борьбы, создающей поступательное движение, усыпляло народ и обеспечивало полное поглощение личности массой. Для осуществления социалистических идеалов должны были произойти огромные изменения: в первую очередь требовалось освободить общину от «удушающего ига власти», а затем перенять и использовать в повседневной хозяйственной деятельности научно-практические знания Запада. Только при реализации этих двух условий община сможет, согласно взглядам Герцена, развить заложенные в ней задатки и наиболее полно удовлетворить материальные и духовные потребности своих членов. В общетеоретическом плане эта идея означала постановку проблемы отличного от Западной Европы некапиталистического развития. Она основывалась на вере в способность общины миновать «кровавые муки капитализма».

Идея общинного устройства общества получили дальнейшее развитие во взглядах Н. Г. Чернышевского. Сын священника, обязанный формированию своей личности, развитию природных способностей исключительно собственному трудолюбию и самодисциплине, Чернышевский во многом предвосхитил появление «новых людей» России — разночинцев.

По сравнению с герценовской идеализацией общины, Чернышевский более реалистически смотрел на этот патриархальный институт русской жизни. Для него община выступала прежде всего средством сочетания личного интереса работника с «товарищеской формой» производства. Чернышевский с экономической точки зрения стремился обосновать, предугадать возможное развитие в будущем общинной организации для соединения «собственника, хозяина и работника в одном лице». Им была разработана концепция переходного периода, во время которого община, первоначально существуя параллельно с капиталистическим производством, затем сможет превзойти, вытеснить капиталистическое хозяйство и окончательно утвердить коллективное производство и потребление. Выполнив тем самым свое историческое предназначение, община исчезнет как форма производственного объединения.

Сложившиеся к концу 50-х гг. XIX века основные принципы общинного построения социализма несли в себе, наряду с идеями трансформации социальной жизни Рос-

сии, мощный заряд антикрепостнических настроений, объективно выражали протест крестьянства против «небожеского» устройства хозяйственных отношений, аккумуляровали в себе требования земли и подлинной воли.

Формируясь в эпоху, когда демократизм и либерализм еще тесно соседствовали друг с другом (не случайно Герцен писал, что «...либерализм, последовательно проведенный, непременно поставит человека лицом к лицу с социальным вопросом...»), народнические идеалы Герцена и Чернышевского по-разному воспринимались различными слоями русского общества. Радикально настроенная интеллигенция (в первую очередь студенческая молодежь) расценивала идею общинного социализма как призыв к непосредственному действию, более умеренная ее часть — как программу постепенного продвижения вперед посредством реформ. И те, и другие находили во взглядах Герцена и Чернышевского отражение своих идей и настроений. И у тех, и у других для этого были основания. В какой-то мере создав идеал будущего общественного устройства, определив его контуры, основоположники народничества не смогли ответить на вопрос о путях достижения поставленных целей. Будучи едиными в требовании отмены крепостного права, передовые люди России расходились во мнении о средствах и мерах его ликвидации, а также — перспективах дальнейших преобразований. Это нашло отражение в программе и тактике действий демократов. Хотя вокруг журнала «Современник» и сформировалось общество «Земля и воля», но его организационные принципы и программные положения не отличались последовательностью и радикализмом. Сеть разбросанных по всей России кружков не превратилась в единую партию. Статья Н. П. Огарева «Что нужно народу?», ставшая своеобразной программой этой организации, была рассчитана на сплочение всех оппозиционных сил. Она декларировала необходимость передачи земли крестьянам за выкуп, призывала к замене правительственных чиновников выборными, к участию представителей народа в определении податей и повинностей, сокращению расходов на войско и царский двор. Основным средством влияния на крестьянство «Земля и воля» считала пропаганду.

Довольно умеренная по своему характеру земельно-вольская программа не нашла отклика среди радикально настроенной части молодежи. Своеобразным ответом на нее стала прокламация «Молодая Россия», вышед-

шая из кружка П. Г. Заичневского — П. Э. Аргиропуло. Единственным средством преобразования общества, в котором все — от религии до семьи — ложно, ее авторы считали революцию, кровавую и неумолимую. Надежды возлагались на небольшой кружок действительно передовых людей. Совершив святое дело очищения от косности и застоя, они приступят к введению общинного землепользования и общественной фабрики как форм производственной деятельности населения. Политическое устройство будущего общества представлялось в виде добровольного федеративного союза областей и общин во главе с выборным национальным собранием. Появление прокламации «Молодая Россия» стало показателем серьезных разногласий по принципиальным вопросам революционной стратегии и тактики среди шестидесятников. Публикация «Молодой России» знаменовала рождение леворадикального крыла в народничестве, которое брало на вооружение бланкистские (заговорщические) приемы воздействия на массы. В дальнейшем это направление найдет свое развитие в работах П. Н. Ткачева.

«Заочный спор» между «Землей и волей» и «Молодой Россией» свидетельствовал о первом кризисе в идеологии и практике народничества. Он усугублялся еще и тем, что массового крестьянского выступления, ожидавшегося в 1863 г., не произошло. Активность «Земли и воли» пошла на спад, и в марте 1864 г. общество самораспустилось.

Опыт освободительной борьбы свидетельствовал о том, что идеи общинного социализма, высказанные Герценом и Чернышевским, нуждались в теоретическом развитии и практической конкретизации. Это тем более было необходимо потому, что с упадком революционных настроений в среде крестьянства возрастала оппозиционность интеллигенции и студенчества. Для передовой общественно-политической мысли России центральным по-прежнему оставался вопрос о методах осуществления социальных преобразований (революция или реформа). При решении этого вопроса в рамках народничества к концу 60-х годов еще неясно, нечетко выявились два подхода: революционный и реформаторский.

Первые шаги в преодолении кризиса в народничестве были предприняты революционерами практиками. Среди части передовой разночинской молодежи крепло убеждение в необходимости познания «загадочного Сфинкса», каким представлялся им русский народ. Спектр этого интереса был достаточно широк и включал в себя изуче-

ние особенностей экономического уклада общины, настроений и потребностей крестьян, а также — ведение просветительской работы в их среде. Планировалось организовать различные артели (коммуны), прообраз которых был создан Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?», наладить издание книг для народа, ознакомить русского читателя с переводами зарубежной социально-экономической литературы. Организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова, группа Г. А. Лопатина и созданное им «Рублево общество» наиболее ярко воплотили в своих программах направление пропагандистско-просветительской работы.

Одновременно с этим наблюдалось и стремление к использованию более радикальных средств. Предпринимались попытки создания строго законспирированных центров, ставивших своей задачей террористическую борьбу с наиболее ненавистными представителями царской администрации и самим императором. Примером такой практики стала деятельность членов общества Худякова — Ишутина, которые разрабатывали планы захвата власти и убийства царя. Один из участников этого тайного центра — Д. В. Каракозов — 4 апреля 1866 г. стрелял в Александра II.

Секретность, тайны от своих товарищей невольно порождали среди членов кружков и обществ недоверие, подозрительность, что служило питательной средой для возвеличивания собственного мнения, появления диктаторских настроений. Не случайно тайный центр общества Худякова — Ишутина, претенциозно нареченный «Ад», одну из своих задач видел в осуществлении контроля за деятельностью единомышленников в период подготовки и в ходе революции.

Но наиболее выпукло «генеральство от революции», презрение к человеческому достоинству воплотились в «Катехизисе революционера» С. Г. Нечаева и созданной им организации «Народная расправа». С. Г. Нечаев вошел в историю русского революционного движения как человек, наделенный сильной волей, крайним самолюбием, деспотизмом и всепоглощающей ненавистью к властям придерживающим. Выходец из разночинцев, он, обладая упорством, цепкой памятью самоучкой прошел гимназический курс, но глубокими знаниями не обладал. Сблизившись с революционной молодежью, Нечаев пытался добиться роли непререкаемого лидера, используя для этой цели прямые мистификации: распускал слухи о своем аресте и о побеге из Петропавловской крепости. Побывал за границей у

Герцена, Огарева и Бакунина, которых пытался убедить в готовности России к революции. Буквально очаровал Бакунина и Огарева, увидевших в нем одного из тех «беспардонных юношей», которые приходят на смену старшему поколению революционеров. Однако обмануть «рентгеновский» глаз Герцена ему не удалось. «У него змеиный взгляд», — заявил патриарх освободительного движения.

Заручившись поддержкой Бакунина, Нечаев вернулся в Россию, где в основном из студентов Московского университета, Земледельческой и Лесной Академий создал свою организацию. Стремясь любыми средствами добиться пробуждения «готового к решительным действиям народа», Нечаев требовал от революционеров беспрекословного выполнения приказов, превращения члена организации в бессловесный механизм машины разрушения. Его презрение к индивидуальности, отказ от общечеловеческих норм морали, отрицание нравственных критериев личности обернулись признанием иезуитского принципа «цель оправдывает средства». Это привело к убийству студента И. Иванова, позволившего себе подвергать критике диктатора революционного кружка и иметь собственное мнение. После совершения преступления Нечаев бежал за границу. Был схвачен и выдан швейцарскими властями царскому правительству. Находился в заключении в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

Революционное подполье решительно отмежевалось от позорной практики Нечаева и осудило насаждавшиеся им в организации порядки. А сам феномен нечаевщины стал серьезным предупреждением о возможности криминального перерождения высоких идей в тех случаях, когда человек из цели общественного прогресса превращается в его орудие.

Перед революционерами все отчетливее вырисовывалась необходимость теоретического осмысления опыта «проб и ошибок», заблуждений и верных решений, увлечений и разочарований. В первую очередь это касалось главных проблем движения: соотношения политических и экономических требований, авангарда (партии) и масс, использования легальных и нелегальных приемов работы, места и роли революционера в социальном прогрессе.

Ответить на поставленные временем вопросы попытались идеологи трех направлений революционного народничества — П. Л. Лавров (пропагандисты), М. А. Бакунин (бунтари), П. Н. Ткачев (заговорщики). Их взгляды указали новые подходы в разработке общей проблемы —

осуществления социальной революции в России, послужив связующим звеном в деятельности двух поколений революционеров (60-х и 70-х гг. XIX века).

П. Л. Лавров — полковник русской армии, профессор математики — пришел в революцию уже в зрелом возрасте. В начале 60-х годов он сблизился с Чернышевским, поддерживал студенческие выступления. После покушения Каракозова на Александра II был арестован и выслан в Вологодскую губернию. При помощи революционера Г. А. Лопатина осуществил побег. Оставшуюся часть жизни был вынужден провести за границей.

Обращение Лаврова к идее социализма стало результатом напряженных размышлений над характером исторического развития, поисков критерия общественного прогресса. В 1866 г., находясь в ссылке, он изложил свои мысли по этим вопросам в работе «Исторические письма». Главным движущим элементом цивилизации Лавров считал мощь научного познания, идеи. Именно они позволили человеку вырваться из мира природы. Роль носителя этих знаний, а значит и преобразующей силы общества, принадлежала передовому меньшинству населения — интеллигенции. Но сама интеллигенция смогла добиться знаний, умения влиять на ход событий, благодаря труду и самопожертвованию народа. Поэтому она находится в неоплатном долгу перед народом, должна приложить все силы для его просвещения и тем самым усилить сознательный элемент в жизни общества. Общественный прогресс представлялся Лаврову как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости...»

Творцом истории в его концепции выступал человек, яркая индивидуальность, способная критически мыслить, соизмерять свои действия с основным направлением исторического развития. Но сам по себе субъект истории, наделенный этими качествами, не обладал еще достаточной мощью. «Чтобы сила не тратилась даром, ее надо организовать», — писал Лавров. Критически мыслящие личности должны были понимать «...не только цель, к которой стремишься, но средства, которыми ее можно достигнуть.» Тем самым Лавров прогресс человечества ставил в зависимость от создания организации революционеров, высказывал идею массовой партии.

В связи с этим он требовал от «цивилизованного русского меньшинства» всесторонней подготовленности. Только обогатив себя знаниями и усвоив народные потребнос-

ти, можно было просветить народ и подготовить его к революции. В этом видел Лавров главную задачу революционера, поскольку «перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа». И лишь когда «течение исторических событий укажет само минуту переворота и готовность к нему народа русского, можно считать себя вправе призвать народ к осуществлению этого переворота».

Естественно, высокая цель, поставленная перед партией, требовала от ее членов кристальной чистоты морального облика, преданности идее, взаимного уважения между товарищами, отказа от всяческих попыток навязывания чьего бы то ни было авторитета и создания на его основе культа непогрешимости. Лавров считал недопустимым для партийной жизни устранение дискуссий, полемики, установление монополии на истину. Нарушение этих заповедей неминуемо вело бы к идейному перерождению, а значит, к политической смерти движения. Лавров предупреждал: «А если идея от уступок потеряла все свое содержание, то партия утратила смысл, дела у нее никакого нет и спор идет лишь о личном преобладании... На их знамени написаны слова, которые когда-то обозначали истину и справедливость, а теперь ничего не обозначают. И будут они тысячу раз повторять эти громкие слова. И поверит им молодежь, влагающая в эти слова свое понимание, свою душу, свою жизнь. И разуверится она в своих предводителях и в своих знаменах. И потащут ренегаты по грязи вчерашнюю святыню... Старая же партия, пожертвовавшая всем для победы, может быть, и не победит, а во всяком случае окаменеет в своем бессодержательном застое».

Представления Лаврова об организационном строении партии основывались на разумном сочетании демократических и централистских начал, которые, по его мнению, позволили бы более гибко и последовательно консолидировать революционные силы, упорядочить стихийный процесс их объединения. Он не абсолютизировал какого-либо из названных принципов. Для него более важной представлялось добровольность делегирования низовыми организациями своих прав и полномочий центру, а также обеспечение возможности низов влиять на принятие решений и контролировать их выполнение. Механизмы партийной жизни не были для Лаврова самоцелью. Он стремился мощью организации увеличить индивидуальный потенциал

члена партии, создать коллектив личностей, способных решать поставленные задачи.

Идеи Лаврова оказали существенное влияние на становление различных объединений народников в России. Однако радикальная молодежь не всегда удовлетворялась его призывами к самоподготовке и последующему просвещению народа. Она жаждала практического дела, стремилась «ковать» революцию, поднимать народ на борьбу.

Выразителем подобных настроений стал М. А. Бакунин, «апостол» анархизма, идеолог бунтарского направления. Личность яркая, неординарная, в любви и ненависти не знавшая середины. Гроза авторитетов и властей, дерзкий революционер и вечный изгнанник. Человек, который, по словам префекта парижской полиции М. Косидьера, в первый день революции — просто клад, но на другой день его надобно расстрелять. За участие в Дрезденском восстании 1848 г. был приговорен к смертной казни, находился в заточении в тюрьмах Австрии и России, был в сибирской ссылке. Бежал. Друг Огарева и Герцена, идейный противник Маркса и Энгельса.

Бакунин считал, что народ уже выработал длительной многовековой работой идеал свободы и поэтому необходимо перейти «...прямо к организации всенародного бунта». Никакой революции кроме «стихийной, или народно-социальной» он не признавал. Любая другая революция отвергалась и предавалась анафеме, поскольку, согласно взглядам Бакунина, она была бы «бесчестна, вредна, свободно- и народоубийственна» и лишь сулила бы «новую нищету и новое рабство». Наряду с этим он понимал, что для осуществления народного выступления требовалось «связать лучших крестьян всех деревень, волостей, передовых людей, естественных революционеров между собой, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством». Организация революционных сил страны достигалась, согласно Бакунину, путем объединения крестьян всей России и слияния их в единый фронт с фабричными рабочими. Сами же революционеры должны были разъяснить народу конкретные революционные задачи, не давать угаснуть бунтарскому пылу, создавать «чувство и сознание действительного единства». Тем самым Бакунин не отрицал правомерности и оправданности деятельности тайного общества с целью «возбуждения, сплочения и организации народных сил».

Он не ставил перед революционной молодежью задачи

навязать народу свою программу, а призывал пробуждать в русских общинах сознание собственной свободы и необходимости объединения в общей борьбе. Только в этом отношении Бакунин признавал целенаправленное использование пропаганды.

Сама же организация революционеров должна была объединить «самых умных..., самых страстно непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на всю жизнь, по самую смерть от всего, что прельщает людей, от всех удовлетворений тщеславия, чиновлюбия и славолубия, были бы единственно и всепоглощены единою страстью всенародного освобождения; людей, которые отказались бы от личного исторического значения при жизни и даже от исторического имени после смерти». По мысли Бакунина, не обязательно было набирать армию революционеров, достаточно было создать штаб революции из 50—60 человек, спаянных общей идеей и стремлением. Такая организация послужила бы «посредницей между народным инстинктом и революционной мыслью».

Долгое время в исторической науке бытовало мнение о том, что взгляды Бакунина на тайную организацию революционеров и ее деятельность были адекватны позиции С. Г. Нечаева. Эта точка зрения не подтверждается фактами. Так, например, сам Бакунин назвал катехизис Нечаева «катехизисом абреков» и считал гибельным возведение принципа самоотверженного изуверства и личного высокого фанатизма в правило будущего общежития. Призывая Нечаева отказаться от проповедуемой им иезуитской системы взглядов, Бакунин предупреждал, что в противном случае он рискует превратиться в человека вредного «...не для государства, а для дела свободы».

По сравнению с лавристской концепцией строения партии, принципы Бакунина по этому вопросу были сориентированны в большей степени на эмоциональный порыв, чем на организационную подготовку и продуманную структуру. Это делает бакунинские представления уязвимыми, наименее продуманными из его идей. Несмотря на это, воздействие взглядов Бакунина на современников было значительным. Призыв действовать немедленно, не дожидаясь каких-либо благоприятных условий, нашел восторженный отклик среди участников «хождения в народ».

Своеобразную позицию в вопросах революционной практики занимал П. Н. Ткачев. Это был человек, пора-

жавший современников разительным контрастом внешнего вида, характера, поведения с его взглядами. Невысокого роста, худощавый, скромный до застенчивости, молчаливый он буквально преображался в своих статьях в яркого публициста, народного трибуна, непреклонного сторонника революции. Находясь в эмиграции во Франции, Ткачев, один из немногих революционеров, «удостоился чести» 24-часового наблюдения в сутки со стороны парижской полиции. В своих взглядах он отразил мысли и настроения той части интеллигенции, которая не верила в возможность осуществления революции силами народа и стремилась создать тайную организацию с целью свержения царского правительства и проведения социалистических преобразований.

Считая, что «народ не может себя спасти, ...не может устроить своей судьбы сообразно реальным потребностям и осуществить идеи социальной революции», Ткачев возлагал свои надежды на революционное меньшинство. Оно и должно было «раскачать» существующий строй, дать толчок для проявления стихийной энергии масс. Узкая группа людей, объединившаяся в партию, преследовала тем самым, по мысли Ткачева, двуединую цель: подготовить захват власти и поднять народ на выступление. Для решения последней задачи предполагалось использовать средства агитации. Признавая необходимость подготовительной работы в народе, Ткачев вместе с тем расходился в этом вопросе с Лавровым. Принципиально важной для него всегда оставалась возможность захвата власти группой революционеров.

Разногласия во взглядах Лаврова, Бакунина и Ткачева вместе с тем не препятствовали выработке тактики действий революционного подполья. В России не существовало чисто лавристских, бакунистских или ткачевистских организаций. Для революционеров-практиков было характерно выборочное отношение к теоретическим рекомендациям. Критерием оценки служило конкретное положение дел и вытекавшие из него задачи.

В вопросах о социальных преобразованиях, характере и форме государственного устройства, роли и месте партии в будущем обществе теоретики трех основных направлений народничества пошли дальше своих предшественников в плане осмысления самой сути проблем, а также конкретизации средств и приемов осуществления поставленных задач.

Общими для них по-прежнему оставались вера в общи-

ну, возможность использовать основы ее административного и хозяйственного устройства, однако в остальном точка зрения Бакунина кардинально отличалась от позиций Ткачева и Лаврова. Согласно бакунинским идеям, община в том виде, каком она существовала в России второй половины XIX века, не могла быть использована для реализации социалистических идеалов. Для этого требовался «переходный период, более или менее длительный...». Наличие такого переходного периода позволило бы на основе общинных принципов перейти к созданию федерации самоуправляющихся коллективов, самостоятельно распоряжающихся своими средствами производства и регулирующих взаимоотношения между членами общества. Тем самым Бакунин отказывал государству как системе законодательной и исполнительной власти в праве существования в социалистическом будущем.

Но это ни в коей мере не означает отрицания Бакуниным определенного организующего начала при переходе к новому социальному строю. По его мысли, революционеры должны были «помочь народу самоопределиться на основании полнейшего равенства и полнейшей и всесторонней человеческой свободы...».

В бушующем море социальной революции, на следующий день после одержанной народом победы, мелкие группы революционеров, разбросанные на громадной территории России, должны были ненавязчиво, не преследуя никаких личных интересов, исподволь вести народное движение «...к возможно полному осуществлению социально-экономического идеала и к организации полной народной свободы». Эту деятельность Бакунин называл «коллективную диктатурой тайной организации». Но само понятие диктатуры трактовалось Бакуниным только в плане идейного влияния на народные массы и не включало в себя даже возможности создания институтов государственной власти, поскольку «...всякая власть как бы она не называлась, непременно образом подвергала бы народ старому рабству в новой форме».

Идеал Бакунина состоял в достижении народной свободы, при которой «...волости собственным народным движением соединились в уезды, уезды в области, области же образовали бы между собою вольную русскую федерацию». Принцип народного самоуправления, яростным сторонником которого был Бакунин, неминуемо приходил в противоречие с пропагандировавшимися в I Интернационале идеями диктатуры пролетариата К. Маркса. Два направ-

ления социалистической мысли — марксизм и бакунизм — кардинально расходились в вопросе о принципе управления в будущем обществе.

Признавая научный авторитет Маркса в области политической экономии, Бакунин критиковал марксистскую модель государственного устройства при социализме. По его мысли, «между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же они представляют обе одно и то же управление большинства меньшинством... Поэтому они одинаково реакционны, имея как та, так и другая результатом непосредственным и неперемнным упрочение политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономического рабства народных масс».

Бакунин проницательно подметил опасность социального неравенства при полном сосредоточении власти в руках государства, обобществлении производства и распределения, установлении монополии на научную истину. Видел он и возможного преемника буржуазии в роли господствующего сословия при государственном социализме. Согласно взглядам Бакунина, авторитарный коммунизм монополизует собственность не в интересах народа, а в интересах «государственных людей, чиновников, которые будут по произволу располагать общественным капиталом. Рабочие ассоциации, не владея прямо этим капиталом, будут вынуждены испрашивать разрешения пользоваться им у государства через посредство чиновников, так что последние сделаются распорядителями общественного состояния».

Как показала практика «социалистического строительства» в СССР и других странах, Бакунин верно уловил некоторые слабости и изъяны марксистской доктрины. В первую очередь он верно подметил возможность подмены диктатуры большинства над меньшинством диктатурой бюрократии над всем народом. В условиях монополизации и огосударствления всей собственности это могло привести, по его мысли, к соединению «социализма с абсолютизмом».

Предлагавшаяся Бакуниным модель независимых производственных структур, построенных снизу вверх на основе коллективной собственности на орудия труда и средства производства, отличалась от марксовской модели большей гибкостью. Не случайно в современных условиях идея народного предприятия получила распространение

среди различных трудовых коллективов нашей страны.

Лавров и Ткачев, напротив, считали, что после победы революции институт государства потребуются для проведения необходимых преобразований и их защиты от контрреволюционных выступлений. Так, например, Ткачев рассматривал захват власти как прелюдию революции, а сама революция, по его мысли, «осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию».

Форма будущего управления должна была быть основана на народном представительстве (Народная Дума — у Ткачева, съезд представителей рабочей России — у Лаврова), но создание органов власти возлагалось на революционную партию. Лавров даже считал, что они могли быть подготовлены еще до революции (Комитет работ и продовольствия, Распорядительный Совет, Земской Союз, местные группы). При дальнейшем развитии общинного самоуправления, по мнению Ткачева, государственная власть должна была ослабевать, а функции центральных учреждений — упраздняться. В свою очередь Лавров предполагал, что уже в жизни одного поколения отпадет необходимость во власти и население само изберет «комитеты распорядителей по каждой специальной работе». Они установят тесную связь друг с другом и будут руководить «под общим контролем населения...». Это позволит федеративным началам социализма проявить себя в полной мере.

Как видим, взгляды Лаврова и Ткачева на устройство власти во многом были близки. Схожи были и их программы экономического переустройства (обобществление имущества и орудий труда, устройство производства на принципах артели, коллективное распределение продуктов, устранение социального неравенства и т. д.). Но позиции Ткачева по этому вопросу были лучше продуманы и четко изложены. Во взглядах народнических идеологов не всегда прослеживается понимание российской действительности, знание крестьянской психологии, что приводило к сложному сочетанию реалистических предложений и утопических проектов.

Подводя итог рассмотрению идей трех крупнейших представителей народнической доктрины, можно сделать вывод, что ими были даны ответы на многие вопросы, поставленные в повестку дня развитием революционного

движения как в области теории, так и практики. Выдвинутая Лавровым мысль о необходимости создания массовой народной партии для подготовки и проведения социалистической революции служит связующим звеном между революционным народничеством и последующими поколениями русских революционеров.

Одновременно с теоретической и практической деятельностью революционных народников с конца 60-х годов в рамках народничества оформляется система взглядов, ориентированных на переустройство общества мирными, ненасильственными средствами. Главным теоретиком этого течения стал Н. К. Михайловский, один из тех «кающихся дворян», которые смысл своей жизни видели в служении народу. Сотрудник, а затем — один из редакторов журнала «Отечественные записки», он находился в центре политических событий, давал им оценку, живо реагировал на настроения передовой интеллигенции. Михайловский считал современное общество антигуманным, поскольку в основу его развития был положен принцип раздробления труда между людьми, а роль человека сводилась до бессловесного придатка машины. По мысли Михайловского, действительно поступательное движение вперед было возможно только при всестороннем развитии личности. Критерий общественного прогресса Михайловский видел в устранении всего, что «безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно...». В центр своей социологической концепции он, как и Лавров, ставил человека. Высшим мерилom ценностей для него являлись интересы личности и поэтому всякое несправедливое развитие общества должно встречать осознанное сопротивление, вызывать чувство протеста. Тем самым Михайловский отстаивал «право вмешательства в ход жизни». По своей социально-политической направленности его позиция была близка взглядам Лаврова. Близка, но не тождественна. Если Лавров, как и все идеологи революционного народничества, видел возможность продвижения по пути прогресса только через революционное потрясение общества, свержение существующего строя, то Михайловский исходил в своих построениях из необходимости первоначального изменения личности и развития «...тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде».

В революционных потенциях крестьянства Михайловский сильно сомневался, не разделял веры в его социалистические инстинкты. В революцию не верил и боялся ее.

Сакраментальная фраза, высказанная им в письме к Лаврову: «Я не революционер, всякому — свое», лучше всего характеризует Михайловского как сторонника эволюционного пути развития общества. Он не отрицал значения революций в истории человечества, но возможность революционного взрыва представлялась ему гораздо более опасной для накопленных богатств цивилизации, вековых традиций прошлого, существования самого человека как сознательной создающей личности, чем постепенное, хотя и медленное, преодоление «раздробления целостности личности». Он писал по этому поводу: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки».

Свои надежды Михайловский возлагал на деятельность прогрессивно настроенного меньшинства, интеллигенции. За ней он закреплял право «...свободного выбора деятельности», изменения самого хода общественного развития. При этом интеллигенция должна была руководствоваться интересами подавляющей части общества, трудящихся. Тем самым Михайловский обосновывал субъективный подход, субъективный метод понимания исторических процессов.

Призыв народнического публициста к активному воздействию на события истории сближал взгляды Михайловского с революционными стремлениями разночинцев. В данном случае были важны не столько нюансы, оттенки, а общая направленность, отражавшая атмосферу, настроения, царившие в демократических кругах. Выступая в легальной печати, Михайловский играл роль воспитателя молодежи, пропагандиста передовых идей.

В определенной мере ответ на многие вопросы, мучившие народников как революционного, так и реформаторского лагеря, дал отрицательный опыт первого «хождения в народ». Для революционного крыла народничества оно показало эфемерность бакунинских утверждений о готовности крестьянства к бунту, а в организационном отношении — несостоятельность идеи кружков.

Русское крестьянство не восприняло идеи, которые пропагандировались революционной молодежью. Весьма показательны в этом отношении воспоминания самих

участников «хождения в народ». Народник С. М. Кравчинский рассказывал, как он вместе со своим товарищем пытался агитировать проезжавшего рядом с ними крестьянина. По мере усиления аргументации о необходимости изменения существующего строя испуганный мирный сельский обыватель все более нахлестывал свою лошаденку, а пропагандисты прибавляли шаг. И это продолжалось до тех пор, пока они оказались не в силах бежать за телегой.

Другой народник Н. А. Морозов с огорчением писал о том, как только что распространенные им среди крестьян брошюры пускались на самокрутки, а сами крестьяне извинительно ссылались при этом на отсутствие бумаги для сигарок. Да и само отношение к книгам в деревне было весьма сложным. «Недозволенная» книжка, обнаруженная представителями власти у кого-либо из деревенских, вообще могла отбить всяческую охоту к чтению.

Однако неудача «хождения в народ» не подорвала веры разночинцев в революцию. Они попытались сблизиться с народом, селясь в деревнях под видом учителей, кузнецов, медицинских работников. Их цели по-прежнему состояли в том, чтобы обеспечить переход всей земли в руки сельского рабочего сословия, передать общественные функции в руки общины, решить национальный вопрос в соответствии с желаниями населения отдельных территорий и местностей.

Революционная практика заставляла отказываться от антицентралистских настроений. Им на смену приходило убеждение в необходимости единой организации, способной объединить разрозненные действия, придать им целенаправленность и большую мощь. В 1876 г. была создана вторая «Земля и воля», названная так в память предшественников 60-х годов. Она строила свою жизнь на уставных требованиях конспирации, централизма, подчинения меньшинства большинству, строгого подбора новых членов.

Деятельность землевольцев и на этот раз показала, что при существовании самодержавия, наивной вере русского крестьянства в доброго царя поднять деревню на борьбу за землю и волю невозможно. Все большее число революционеров склонялось к необходимости политической борьбы. При общей инертности народа, репрессивной политике правительства, отсутствии демократических институтов политическая активность свелась к тактике индивидуального террора против царя и виднейших представителей бюрократии.

В связи с этим в среде землевольцев наметился рас-

кол на «деревенщиков», сторонников старых методов агитации и пропаганды, и «политиков». Расхождения между ними нарастали и в 1879 г. «Земля и воля» распалась на две организации — «Черный передел» и «Народную волю».

Объявив себя сторонниками и продолжателями дела землевольцев, чернопередельцы не нашли достаточно широкой поддержки в среде интеллигенции, да и сама пропаганда и агитация по-прежнему не приносили ожидаемого успеха. К тому же дееспособность «Черного передела» была сильно подорвана арестами в начале 1880 г. ряда ее членов и отъездом за границу Г. В. Плеханова, Я. В. Стефановича, Л. Г. Дейча, В. И. Засулич. Практически это означало крах программы и свертывание деятельности организации.

Героическая борьба «Народной воли» стала последним трагическим актом развернувшегося сражения горстки революционеров-разночинцев со всей репрессивной машиной самодержавия. Стремясь к уничтожению существующего режима и для этого используя тактику индивидуального террора, народовольцы потрясли до основания политическую систему страны, однако ожидаемого свержения царизма не произошло. Убийство Александра II обернулось казнью главных организаторов покушения С. Л. Перовской, А. К. Желябова, Н. И. Кибальчича, многочисленными арестами. Начиная с 80-х годов XIX в. революционное направление народничества вступило в полосу длительного кризиса.

В среде реформаторского лагеря «хождение в народ» встретило весьма скептическое отношение. Михайловский критически оценивал бакунинскую идею поднять крестьянство на борьбу. Но, с другой стороны, ход событий заставлял самого Михайловского все более разочаровываться в возможности ненасильственными мерами повлиять на развитие страны. Как и революционеры, он приходит к мысли о необходимости политической борьбы, что в середине 70-х годов было шагом вперед по сравнению с его предыдущими позициями. На этой основе происходит сближение Михайловского с народовольцами: он сотрудничает в журнале «Народная воля», не исключает возможность давления на существующее правительство даже террористическими средствами. Однако полного единства во взглядах не было. В решении аграрного вопроса Михайловский выступал за сохранение общинного землевладения, а в

тактике политической борьбы он призывал революционеров к союзу с либералами.

Наряду с определенным «полевением» взглядов части представителей легально-реформаторского народничества (выразившимся в работах Михайловского, деятельности журнала «Отечественные записки») внутри него с середины 70-х годов начинает прослеживаться и другая тенденция, которая может быть определена как культурничество. Она получила свое обобщение и развитие на страницах газеты «Неделя». Сотрудники этого издания отвергали преувеличение роли интеллигенции в истории, выступая за постепенное преобразование «бюрократического» режима.

В годы революционного кризиса на рубеже 70—80-х годов завершается окончательное оформление направленности правого крыла легально-реформаторского народничества. Это нашло свое выражение в творчестве ведущего сотрудника «Недели» И. И. Каблицы (Юзова). Он требовал согласовывать темпы «организации общественно-политических форм» с социальными настроениями, «чувствами» народных масс, не отставая, но и не забегая вперед. Умалая воспитательное значение деятельности интеллигенции, он требовал ее полного отстранения от «социальных опытов» над народными массами. Более того, в понимании Каблицы, интеллигенция обладает гораздо меньшим духовным потенциалом, нежели русский народ, и поэтому должна пересмотреть свою роль в общественной жизни.

Девиз «Недели» — «малым довольна» — и направленность ее деятельности встречали резкую критику со стороны Михайловского. Считая, что современные условия жизни уродуют людей, насаждают в народе пассивность и апатичность, уподобляют массы толпе, Михайловский видел единственный катализатор общественных процессов в деятельности «героя». Под этим термином он понимал человека, «...увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». Героя создает сама толпа, в нем концентрируются ее желания и инстинкты. Вместе с тем эта личность обладает качествами гипнотического воздействия на людей.

В полемике Михайловского с сотрудниками «Недели» в годы кризиса революционного народничества отразилось дальнейшее расхождение в лагере народников-реформаторов. Споры велись по принципиально важным вопросам:

об отношении к политической борьбе и субъективному методу в социологии. Ни по первому, ни по второму из них стороны не находили общей точки зрения.

Наряду с этим среди левых народников-реформаторов в начале 80-х годов росло осознание оторванности передовой интеллигенции от народа. Настойчивые идейные поиски образованного меньшинства натыкались на настороженное, если не враждебное отношение к барину. Укоренившаяся в русском крестьянине подозрительность к одетому в иноземное платье человеку, верно подмеченная еще Чернышевским, не была преодолена и в 70-ые годы.

Это почувствовал и вынес на страницы легальной печати С. Н. Кривенко. В ноябрьском выпуске «Отечественных записок» он писал, что интеллигенция и народ «...разделены были в прошлом и разделены еще теперь». Считая такое положение ненормальным, Кривенко надеялся, что существующий между ними разрыв будет преодолен. «Народ должен быть и интеллигенцией, а интеллигенция и народом».

Достижение «народной пользы» и «народного блага» провозглашалось новым идейным знаменем, под которое планировалось собрать и сплотить всех честных и прогрессивно мыслящих людей России.

Кризис идеологии народничества в начале 80-х годов и оторванность передовой разночинской интеллигенции от народа остро чувствовали и революционные народники. Безусловно, десятилетия упорного поиска ими верной научной теории развития общества, выбор форм и методов ведения пропаганды и агитации не пропали даром. Революционеры-разночинцы поставили задачу свержения самодержавия и ориентировались на участие в революции народных масс. Ими была начата разработка учения о партии, создана разветвленная сеть тайных организаций. Наконец, именно благодаря народникам, сформировался тип русского революционера, сочетавшего беззаветное служение делу, революционную энергию и упорство с хорошо поставленной техникой конспирации.

Однако революционная борьба не привела к ожидаемому результату. В этих условиях в лагере революционеров происходит раскол. Одна часть радикалов пыталась обнаружить причину поражений и неудач не в доктринальных построениях, а в самой практике, просчетах и ошибках, чтобы в дальнейшем продолжить героические традиции семидесятников и «Народной воли». Другая, незначительная группа революционеров, пройдя, по словам

Плеханова, этап «разочарований в «программах», казавшихся самыми практичными и безошибочными», искали выход из создавшегося положения посредством обращения к новой социалистической доктрине. Не видя ответа на «целый ряд в высшей степени важных вопросов», бывшие члены организации «Черный передел» начали критический пересмотр своего идейного багажа.

Социалистическая альтернатива по-прежнему осталась доминантой их мировоззрения. Но теоретические поиски шли не в русле выделения, вычленения особенности, самобытности России, избранности русского народа, общинного характера, его бытия, а через постановку проблемы капиталистического развития страны. Опыт Западной Европы свидетельствовал о несомненной прогрессивности капитализма. Эпоха кровавых драм 40-х годов, которая потрясла Герцена и оттолкнула его от западно-европейских социалистических теорий, осталась в прошлом. Пролетариат завоевал право участия в политической жизни. Влияние социал-демократических партий, выражавших интересы наемных рабочих, возрастало. Марксизм как идеология рабочего класса завоевывал все больший авторитет и силу. Утверждение о том, что «вместе с Александром II динамит убил народнические теории «неминуемо приводило бывших чернопердельцев к решению «...стать на точку зрения социальной демократии Запада».

В 1883 г. за границей возникает первая марксистская группа «Освобождение труда» (Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов), которая поставила перед собой задачу пропаганды и распространения марксизма в России.

Во взглядах членов группы менялось отношение к крестьянству. Сходясь с народниками-реформаторами в признании исторической пропасти, отделяющей народ от образованной части населения, Плеханов и его товарищи порвали с иллюзиями в отношении скорого пробуждения крестьянства. Напротив, они стали подчеркивать его консервативность и реакционность. Тяжелые годы подполья, преследования тайной полицией, идейные споры, смерть друзей, изломанность личных судеб, — все воплотилось в желании отказа от неоправдавшихся прогнозов и ниспровержении провинившихся богов.

В одном бывшие чернопердельцы оставались верны традиции революционного движения — приверженности высокой оценки роли интеллигенции в освободительном движении и поискам потенциального носителя револю-

ционных идей. Основной преобразующей силой общества, по мысли Плеханова и его товарищей, должен был стать класс совершенно новый для России — пролетариат. Только он мог составить «единственно понятливую аудиторию по жгучим социальным вопросам...». Только он мог «послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией» и тем самым ликвидировать зияющую пропасть между «народом» и «образованной частью» населения страны. Менялась не просто избранность субъекта планировавшихся преобразований, менялась сама система оценок, ее категориальность. На место широкоподготовленной высокоморальной личности, способной увлечь народ своими убеждениями, высоким словом, самопожертвованием, должен был прийти класс, объединенный общими интересами, совместной работой, цельной идеологией.

Капиталистический способ производства с его поклонением золотому тельцу, нещадной эксплуатацией ближнего становился для пролетариата купелью, через которую должен был пройти любой человек, обращаемый в новую веру и приобретающий статус партии этого общества и одновременно его будущего могильщика. Отрицая в себе «идеотизм деревенской жизни», рабочий как бы заранее гарантировал, если не себе, то своим потомкам, отпущение грехов и пропуск в светлый и прекрасный храм коммунизма. А значит, и сам капитализм представлялся не таким исчадием ада, каким видели его народники, а необходимым этапом эволюции человечества, в который уже вступили другие народы и страны, да и сама Россия была обречена на мучительное прохождение этой стадии развития и делала в этом направлении гигантские шаги.

Пропаганде идей марксизма Плеханов, как главный теоретик группы, посвятил все свои силы, талант публициста и философа. Критика основных принципов народничества под его пером приобрела характер литературной войны за чистоту идей. Эта непримиримость свидетельствовала не только о цельности взглядов, но и была предвестницей будущей нетерпимости русских марксистов к аргументам противной стороны.

Кроме того безусловное преклонение перед авторитетом всегда бывает чревато сужением общего понимания проблемы. Плеханов упускал из виду, что в такой же степени как марксизм оказывал влияние на развитие русского социализма, так и сама народническая мысль могла влиять на понимание Марксом и Энгельсом многих социально-

экономических процессов, происходивших в странах второго эшелона капитализма (Испания, Италия, Португалия Австро-Венгрия), к числу которых относилась и Россия. Так, например, высказанная Герценом и Чернышевским идея некапиталистического развития при использовании общины, получила и марксистскую интерпретацию. Из переписки Маркса с русскими общественными деятелями известно, что он считал вполне реальной такую возможность, хотя и сильно сомневался в жизнеспособности русской общины под всеразрушающими ударами капитализма. После смерти Маркса Энгельс дал свое понимание этого вопроса. В чисто теоретическом плане он не исключал общинную альтернативу и обуславливал ее победой пролетариата на Западе с последующей его действенной помощью странам, осуществившим революционно-демократические преобразования.

Наряду с этим и само восприятие, понимание марксизма не могло быть одномерным, однозначным. Будучи полифоничной по своему звучанию, теория Маркса могла по-разному восприниматься представителями различных направлений общественно-политической мысли страны. Так, например, в научных кругах марксизм оценивался как теория, объясняющая развитие общества и природы, равная по своему значению открытию Дарвином естественного отбора в животном и растительном мире. В то же время революционеры-разночинцы использовали марксистские идеи о получении капиталистами прибавочной стоимости в своей пропагандистской критике несправедливого устройства современного общества. Для усвоения всей совокупности идей марксизма (как, впрочем, и для выявления утопичности его некоторых положений и ограниченности прогностических возможностей) необходимы были время, выработка понятий, становление философской школы.

В деле пропаганды марксистских идей группа «Освобождение труда» добилась многого. В первую очередь это относится к пониманию и интерпретации философии и социологии Маркса. Однако попытка анализа действительного экономического положения России не удалась в силу желания показать, как должно происходить становление капитализма в стране, а не как оно происходило в действительности. В этом отношении исследования крупнейших экономистов-народников оказались не только богаче по использованному статистическому материалу, но и в

плане показа реальных процессов, изменявших сам лик пореформенной России.

Среди народников-экономистов 80-х годов главную роль в изучении пореформенного развития страны играли Н. Ф. Даниельсон и В. П. Воронцов, более известные читающей публике под псевдонимами Николай-он и В. В. Их исследования были вызваны все более крепнущим стремлением понять механизм функционирования крестьянского хозяйства, влияние на него капиталистического способа производства, изменение социальной структуры общества.

Даниельсон дал реальную картину критического состояния русской деревни, показал ограбление крестьян в результате проведения реформы 1861 г. и их дальнейшее обнищание в процессе первоначального накопления капитала и становления капиталистического рынка. По его справедливому мнению, крестьянские хозяйства были тем источником, из которого черпались средства, дешевая рабочая сила, столь необходимые для нового способа производства. В связи с этим в значительной степени единое по своему составу сельское население раскалывалось на враждебные друг другу слои: разорившихся крестьян и обогатившихся кулаков. Традиционной жизни русского крестьянства грозила неминуемая смерть.

Показывая несомненное разрушение общины товарно-денежными отношениями, Даниельсон вместе с тем верил в возможность использования ее социалистических потенций. Новый общественный строй мыслился им на основе предоставления всей земли в пользование крестьянам на коллективных условиях ведения хозяйства и при переходе всех средств производства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности в руки непосредственных производителей. При этом сама община должна была претерпеть кардинальные изменения: воспринять все новейшие достижения науки и техники, эффективно использовать их на практике.

В неменьшей степени антикапиталистическая тенденция была характерна и для Воронцова. В его понимании само развитие капитализма в стране было аномальным явлением, противоречило складу хозяйственной жизни, традициям крестьянского мировоззрения. «Незаконное дитя природы», выращиваемое по прихоти правительства, не имело никакого основания. Достаточно было, по его мысли, лишить капитализм опоры и поддержки со стороны незначительной части населения и характер развития стра-

ны резко изменится, примет совершенно другое направление. Будучи противником «трактирной цивилизации», Воронцов выступал за поддержку чисто национальных институтов, основу которых составляло артельное производство. Для того, чтобы «сойти с пути», чреватого серьезными потрясениями для всего общества, он предлагал правительству осуществить две важные меры — создать государственные предприятия и выкупить помещичьи земли для последующей ее передачи крестьянам, но не в собственность, а в пользование на условиях артельного производства.

Даниельсон и Воронцов сумели подметить зависимость русского капитализма от протекционистской политики самодержавия, казенных заказов, подрядов, поставок, откупных операций, стимулировавших заинтересованность российской буржуазии в развитии производства и обращения. Они первыми поставили вопрос об аграрном перенаселении и его отрицательном влиянии на сокращение внутреннего рынка в 80-х гг. XIX в. Однако из этого справедливого частного вывода народнические экономисты делали общее заключение о невозможности для России следовать по пути капиталистической эволюции. Прогрессивные стороны капитализма теряли в их глазах всякое объективное значение перед лицом голодного и полуголодного существования большинства населения страны. Говоря о бедственном положении крестьянства, Даниельсон и Воронцов стремились доказать невозможность разрешения этой проблемы буржуазным обществом.

Таким образом, исследования Даниельсона и Воронцова дали несомненный толчок народничеству в понимании реальных процессов, происходивших в экономике страны. Но социальная направленность сделанных ими выводов была различной. Если Даниельсон в тяжелую пору реакции 80-х годов ориентировался на активное участие интеллигенции в политической деятельности, стремился экономическими выкладками аргументировать «изменение выбранного пути», то Воронцов в большей степени склонялся к «возможно осторожному» вмешательству интеллигенции в отношения, «выработанные народной жизнью». В новых условиях, когда, как он считал, доктрина отцов народничества исчерпала себя, было необходимо «создавать не программы деятельности, а программы чаяний и ожиданий». По существу это означало, что кризис, охвативший революционное народничество в равной степени

был характерен и для легально-реформаторского направления.

Принципиальным вопросом, вокруг которого в 80-е годы велась усиленная полемика, стала проблема характера деятельности интеллигенции. Экономические исследования конкретно указали на первостепенные задачи русской деревни, верно подметили экономические трудности, отделили реальные потребности крестьянского хозяйства. В связи с этим все большее влияние приобретало стремление активной практической деятельности с целью повышения общей культуры народа, его просвещения, улучшения благосостояния.

Сама по себе культурническая программа (устройство больниц, развитие сети народных школ, защита юридических прав крестьянства, агрономическая помощь и т. п.) была, безусловно, демократической. Она ориентировала на помощь сельскому населению в его повседневной борьбе за свое существование, служила сближению интеллигенции и народа. Такая работа требовала тесного сотрудничества с земствами, участия в их деятельности. Но наряду с преодолением социальных иллюзий в ней исчезали и требования демократизации политического строя.

Выразителем этих настроений оставалась по-прежнему «Неделя». Продолжая спор о «чувствах» и «интересах» народа, его сотрудники требовали преодолеть «интеллигентский субъективизм» школы Михайловского и смотреть на общественные вопросы «от почвы» — глазами народа.

Ведущий публицист «Недели» середины 80-х годов Я. В. Абрамов в своих статьях выдвинул идею массового похода интеллигенции в деревню на культурную работу. Это был новый, деполитизированный вариант «хождения в народ». Абрамов точно подметил определенное стремление работать в деревне значительного слоя народнически настроенных демократов. Мысль Абрамова о том, что из «маленьких дел слагается жизнь миллионов» — стала обоснованием теории малых дел, которая шла на смену социалистических мечтаний 60—70-х годов XIX века. «Неделя» практически перестает говорить о возможности минования Россией капиталистической фазы развития и «изыскивает» пути безболезненного приспособления общины к капиталистическим порядкам. Против попыток забвения идей «наследства» активно выступил Н. К. Михайловский. Полемизируя со своими оппонентами, он защищал не только демократические, но и социалистические традиции предшественников, противопоставляя их идейной

эволюции и политической индифферентности правых народников. Единственно возможный путь переустройства общества Михайловский видел в преобразовании политического строя России. Именно поэтому уже в 90-е годы он вместе с В. К. Короленко, Н. Ф. Анненским, А. В. Пешехоновым принял участие в организации и деятельности партии «Народного права» (1893—1894 гг.). Хотя сам Михайловский не был членом партии, но разделял политическую программу народоуправцев, писал в их печатный орган, оказывал им содействие.

В целом в 80-е годы XIX века народническая идеология, несмотря на кризис в начале десятилетия, не утратила своего господствующего положения в русской общественной мысли. Более того, легально-реформаторское направление получило достаточно сильное обоснование в экономических работах Даниельсона и Воронцова. Наряду с этим внутри него произошло дальнейшее размежевание на сторонников практической деятельности в деревне и политиков, старавшихся сохранить заветы 60—70-х годов и направить свои усилия на изменение социального строя.

Все более явные расхождения внутри народничества лишали его той идейной цельности, которая была характерна для него ранее. Вера в особую историческую судьбу русского народа подрывалась результатами экономических наблюдений. Отсталость и отставание России от других стран явно бросались в глаза. В этих условиях старая проблема «Восток или Запад», служившая одним из краеугольных камней идеологии, приобретала новое звучание: не вестернизация России и не ее особый путь, а разумное сочетание всего лучшего, что имелось в других странах, с позитивными моментами русской действительности. «Задача наша не в том, чтобы вырастить непременно самобытную цивилизацию из собственных национальных недр, но и не в том, чтобы перенести к себе западную цивилизацию целиком со всеми раздражающими ее противоречиями, — писал Михайловский, — надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет, или чужое, — это уже вопросы не принципа, а практического удобства».

Пройдя глухую пору реакции 80-х годов, народничество смогло живо отреагировать на реальные потребности русской деревни, но преодолеть идейные расхождения в его рядах не удалось. Более того, они обострялись и усугублялись еще и тем, что капиталистическое развитие страны, разложение общины, забитость, бескультурье

крестьянства, инертность интеллигенции, во все большей степени толкали думающих, ищущих людей к изучению марксистской теории. Число сторонников марксизма в стране неуклонно возрастало. В России организуются первые социал-демократические кружки. А создание Д. Н. Благоевым «Партии русских социал-демократов» и П. В. Точисским «Товарищества Санкт-Петербургских рабочих» служили свидетельством начавшегося проникновения марксистских идей в рабочую среду. Этот процесс завершился созданием в 1898 г. российской социал-демократической рабочей партии.

Наряду с этим в легальной прессе стали появляться работы, в которых доказывалась не только прогрессивность капитализма, но и обосновывались перспективы его развития в России. Публикация в органе немецкой социал-демократии статьи П. Б. Струве, посвященной критическому анализу взглядов Даниельсона, вызвала оживленную полемику между марксистами и народниками. Струве опровергал утверждения об отсутствии условий для становления товарно-денежных отношений в стране. Он призывал признать российскую некультурность и идти на выучку к капитализму. Откровенная апологетичность статьи привела к выступлению народнических публицистов.

Наиболее обстоятельную критику «легального марксизма» с позиций левых народников-реформаторов дал Михайловский на страницах журнала «Русское богатство». Многое в понимании Михайловским марксистской теории не соответствовало ее реальному содержанию и значению. Он, например, заявлял, что Маркс и Энгельс «...были не сведущи в экономической истории», а их диалектический материализм сводился к заимствованной у Гегеля логической триаде. Но одновременно с этим Михайловский действительно подметил слабости марксизма. К их числу он относил в первую очередь жесткую экономическую детерминированность всех процессов и исключение из круга рассматриваемых вопросов деятельности активной личности.

Сам Михайловский не отрицал «...исторической необходимости», напротив, признавал «...ее всеобщность и непрекаемость». Но в его глазах сведение всех причин деятельности человека только к экономическим причинам было односторонним. В истории не царит «...беспричинная случайность. Но она очевидно слишком сложна и разносторонна, чтобы ее можно было построить на каком бы то ни было одноцветном фундаменте». Михайловский

призывал не ограничиваться доктриной экономического материализма, а дополнить элемент объективный элемент субъективным, так как «...вопрос брюха и вопрос духа совсем не обязательно исключают друг друга».

В представлении Михайловского абсолютизация «имманентных законов исторической необходимости» приводила к занятию позиции стороннего наблюдателя, когда оставалось только ждать приближения светлого будущего, ничего не делая для этого. «...Россия разовьет свое капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, с поеданием малых капиталов крупными, — писал он по этому поводу, — а тем временем, оторванный от земли мужик обратится в пролетария, «обобществится», и дело будет в шляпе, которую только и останется надеть на голову осчастливленному человечеству». Для Михайловского, активного защитника интересов крестьянства, тяжело переживающего его невзгоды, такое понимание исторического процесса было невыносимо. А «ожидание у моря погоды» было равносильно отрицанию всех ценностных ориентиров, выработанных в результате долгих и нелегких поисков.

Таким образом, в оценке марксизма у Михайловского отсутствовал какой-либо намек на его революционно-преобразующую сторону. Михайловский хлестко, наотмашь наносил удары по аполитичности, индифферентности восприятия «русскими учениками Маркса» действительности, без всякой попытки ее изменения. Он бичевал отказ от защиты интересов крестьянства, упование на преобразующую миссию капитализма. И в общем был прав, говоря о настроениях части марксистов: «...они издевались над правом нравственного суда над явлениями общественной жизни; они выбрасывали за борт истории многомиллионную массу крестьянства, ради его деревенского идиотизма; они третировали «интеллигенцию» как ничтожную или же состоящую «на содержании» величину; они видели прогрессивное явление в кулачестве-ростовщичестве, фатально имеющим превратиться в свою противоположность...».

Тем самым Михайловский правильно подмечал одну из тенденций, существовавших в русском марксизме. Постулаты легальных марксистов были для него неприемлемы и поэтому для их характеристики он прибегал к гротеску, едкой иронии, используя весь арсенал своего публицистического таланта. Наряду с этим Михайловский не исключал возможности, что в будущем «...этот русский марксизм, по

крайней мере в теперешних своих формах, в самом непродолжительном времени уступит место другим, надеюсь, более здоровым течениям».

Надо сказать, что предчувствие Михайловского действительно в скором времени оправдалось. Уже в конце 1894 г. со своей интерпретацией теории Маркса выступил молодой мало кому известный В. И. Ульянов. Будучи последовательным сторонником марксистского учения и обладая сильной логикой полемиста, он довольно легко обнаружил передержки, тенденциозные, а иногда и просто неверные оценки марксизма, содержащиеся в работах Михайловского, Кривенко и других народников, и подверг их обоснованной критике. Наряду с этим работа Ульянова-Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» стала не просто выступлением, вызванным потребностями дня, а символом веры, изложением основных жизненных принципов.

В центре его внимания оказались те же вопросы, которые в свое время были поставлены, но не разрешены Плехановым: капитализм и Россия, судьба различных классов, сословий, общественно-политических теорий в новых условиях. Для Ленина капиталистическое развитие страны было объективной реальностью, которую необходимо исследовать, понять для последующего политического использования. И поэтому ленинский подход был прежде всего и главным образом взглядом политика. Не случайно в конце жизни он скажет о себе: «...для меня всегда была важна практическая цель».

Оценивая состояние экономики, Ленин писал, что «...капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси». Русские крестьяне уже стали товарными производителями и в связи с этим крестьянство как таковое перестало быть единым, не представляло собой «...особого класса...», так как внутри его самого складываются классы буржуазии и пролетариата».

Ленин правильно подметил главное направление, показал реальные процессы капитализации производства, изменение социальной структуры деревни. Но сама по себе справедливая постановка вопроса о безусловно капиталистическом развитии страны была верна лишь в плане выявления направленности эволюции экономики. Стремясь доказать степень развитости товарно-денежных отношений, «...полнейшее господство капитала в деревне...», Ленин считал крайне важным выявить тенденцию, домини-

рующую линию и в этом отношении допускал преувеличение процесса капитализации.

Развитие капитализма в такой огромной стране как Россия должно было занять относительно длительный период и в связи с этим крестьянство как класс могло существовать продолжительное время, иметь свои специфические интересы, взгляды, представления, не всегда осознанные, последовательные и единые. В том числе и социалистические.

Ленин же, напротив, единственно последовательного сторонника социалистических исканий находил только в лице пролетариата, а крестьянство рассматривал в лучшем случае как необходимого и временного союзника, поддержка которого являлась одним из условий победы рабочего класса. «...Русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России», — так звучала ленинская мысль.

Отведение крестьянству незавидной роли мелкого производителя, мелкого буржуа, непоследовательного и зыбкого в своих поступках, решениях означало исключение самой мысли о наличии в крестьянской среде социалистических взглядов. И эта идея стала основной при оценке Лениным народничества. Как он считал, та пора, когда русская деревня еще не была расколота развитием капитализма, «...когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединенное целое..., безвозвратно канула в вечность». С расколом деревни произошел и раскол крестьянского социализма на рабочий социализм и «пошлый мещанский радикализм». Народничество, как считал Ленин, попросту выродилось в «...радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства». Лучшее, что могли нести в себе идеи представителей крестьянства, заключалось в общедемократических требованиях, не претендующих на социалистичность. И только в этом крестьянские демократы могли рассчитывать на поддержку пролетариата. Тем самым Ленин отказывал крестьянству в правомерности социалистических представлений о будущем и отводил ему роль чисто демократического элемента. И не более того. Приветствуя программы, нацеленные на самоуправление, образование народа, подъем крестьянского хозяйства, он вместе с тем отвергал их как социалистические. В представлении самого Ленина «...социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации...».

В связи с этим он показал действительное стремление части народников-реформаторов свести всю деятельность интеллигенции к теории «малых дел». Но это вполне справедливое заключение он распространял на все реформаторское народничество, допуская тем самым его нивелировку. В дальнейшем Ленин, видя все более усиливающиеся расхождения в лагере народничества по вопросам политической борьбы, писал, что между представителями этого общественно-политического течения «есть различия, иногда немалые». Упрекая Михайловского и редакцию «Русского богатства» в приверженности к «самой дюжинной культурно-оппортунистической» программе, Ленин противопоставлял им деятельность партии «Народного права» как наследнице традиций политической борьбы «Народной воли». При этом он, вероятно, просто не знал, о той роли, которую сотрудники редакции сыграли в создании и деятельности этой организации.

Кроме того, сведение взглядов народничества к либеральным и полу-либеральным положениям (откуда происходил и сам термин «либеральное народничество») было чисто политическим ходом, дававшим возможность защитить идеи марксизма. Но социалистические потенции народничества пусть в самом туманном, непродуманном виде, не были выявлены. Косвенно это признал и Ленин, когда в конце жизни обратился к идее кооперативного социализма.

В целом Ленинское выступление в печати не прошло незамеченным. При определенной односторонности в оценках, что, кстати, часто случается в политической полемике, оно рельефно продемонстрировало кризисное состояние народнической идеологии, слабость надежд на чисто культурническую программу или только политическую деятельность интеллигенции. Разобщенность народников по сравнению со все более усиливающимся влиянием марксизма и цельностью его теории становилось очевидным. Это понимал и Михайловский. Он писал по этому поводу: «...не защита или опровержение народничества нужны, — именно потому, что это не есть какая-нибудь единая определенная, всеми признанная теория; оно вмещает в себя «Основы народничества» г. Юзова и народничества г. В. В. и еще многое разное... Нужно что-то другое».

Став во главе журнала «Русское богатство», Михайловский попытался придать этому печатному органу совершенно новое направление. Для этой цели он осуществ-

вил подбор сотрудников. Еще при формировании редакции в ее состав не попал Воронцов. Вскоре Михайловский разошелся во взглядах со своим старым товарищем Кривенко, который в своих статьях пытался примирить идеи «наследства» с теорией малых дел. Руководствуясь мыслью о том, что «маленькое дело вовсе не синоним маленькой цели», а эти дела «...при известном средстве и содействии, слагаются в большие суммы...», он пытался рассматривать создание «культурных скитов» как «социально-этические опыты воспитания интеллигенции и народа в социалистическом духе. Согласиться с подобными проектами Михайловский не мог.

В начале 90-х годов Михайловский осознавал, что русская община — не что иное как национальная вариация аналогичного западноевропейского института. Михайловский отрицал наличие в ней какого-либо очага «...добродетели, высоких этических начал альтруизма». Именно поэтому он ориентировал редактируемый им печатный орган на отказ от теории малых дел. Это означало окончательное размежевание в лагере народников-реформаторов.

Выразителем правого народничества стал журнал «Новое слово», который на своих страницах ратовал за помощь кустарным промыслам, сокращение податей и т. д. Собравшиеся в его редакции Кривенко, Абрамов, Яроцкий и др. оставались на старых позициях организации артелей, помощи общине, все надежды возлагали исключительно на интеллигенцию. Влияние журнала было незначительным, после полутора лет деятельности он прекратил свое существование.

В то же время «Русское богатство», напротив, пользовалось большой популярностью. Журнал не отказался от пропаганды помощи крестьянскому хозяйству, но главным его направлением стало требование уничтожения пережитков крепостничества, ликвидации помещичьего землевладения. Находясь в оппозиции к правительству, «Русское богатство» критиковало самодержавие, политическую инфантильность русской буржуазии и ее неспособность разрешить основные противоречия страны. В представлении сотрудников журнала единственно верным выходом из бедственного положения крестьянства могло стать только наделение сельского населения землей и дальнейшее становление на этой основе «трудового крестьянского хозяйства». Его развитие, по мысли народников, должно было пойти по некапиталистическому пути.

К концу 90-х годов стала очевидной несостоятельность прогнозов Даниельсона и Воронцова об отсутствии в России условий для утверждения капиталистического способа производства. Именно поэтому левые народники-реформаторы пытались увидеть в крестьянском хозяйстве, основанном на труде свободного производителя, зародыш будущих социалистических преобразований общества. Но в новых условиях старая народническая доктрина уже не могла их удовлетворить и нуждалась в модернизации.

Приступая к поискам новых решений, народники начинают внимательней присматриваться к идейному арсеналу марксизма. Весьма показательна в этом отношении публикация «Русским богатством» в 1899 г. двух статей будущего идеолога эсеров В. М. Чернова. Выступая против односторонности подхода «экономического материализма», Чернов, как и Михайловский, считал, что «материалистическое понимание истории... не следует противопоставлять идеалистическому. Оба эти элемента слиты в одном неразрывном процессе развития. В своем стремлении преодолеть «фатализм» школы Маркса Чернов находил поддержку в работе Бернштейна «Предпосылка социализма и задачи социал-демократии», которой, на его взгляд, была свойственна «искренность, готовность признавать ошибки, вместо того, чтобы их затушевывать, спокойный, чуждый полемического задора, тон...». Как писал Чернов, теоретик западной социал-демократии признавал в своей книге «слишком резкий, чрезмерный детерминизм» раннего марксизма, принижение роли обратного воздействия надстройки на экономический базис. Тем самым подтверждалась и мысль самого Чернова о невозможности построения социологической теории на одном единственном основании (материализме или идеализме). Считая, что «...истины, добытые марксовым анализом, суть истины абстрактные; значение их условно, они рисуют вовсе не исторически необходимую общественную эмпирию, а лишь общественно-исторические потенции», Чернов фактически пытался совместить марксистский подход к социальным законам как объективной реальности с субъективным методом Михайловского и на этой основе сконструировать нечто третье. Наряду с этим Чернов стремился обосновать возможность создания социалистического уклада еще при господстве капиталистических отношений. Его размышления на эту тему не вошли в статьи. Но то, что осталось за пределами подцензур-

ной печати, Чернов высказал в переписке с Даниельсоном. Излагая в своих письмах полемику, развернувшуюся в рядах германской социал-демократии по поводу книги Бернштейна, он особенно акцентировал внимание своего адресата на мысли автора о необходимости не возлагать надежды на творческую работу капитализма, а идти через созидание «...зачатков новой формы собственности...», которая бы открыла крестьянству возможность войти в государство будущего путем обобществления снизу». Такой формой должны были стать кооперация, производственные товарищества, «...работающие на определенный рынок, вне конкуренции друг с другом или с капиталистами».

Для аргументации этой идеи Чернов обращался к высказыванию Жореса о том, что в такой же мере как в рабовладельческом обществе существуют зародыши феодализма, а «...буржуазная собственность еще при политическом господстве феодализма экономически пробилась сквозь него...», точно также... и пролетарская кооперативная собственность должна пробиться сквозь трещины и бреши капиталистического, буржуазного режима и послужить естественной опорой, точкой будущей реорганизации народно-хозяйственного целого».

Тем самым Чернов пытался актуализировать идеи крестьянского социализма применительно к новым историческим условиям. Видя разложение общины, он стремился определить коллективистские элементы будущего, предвосхищая в определенной мере теорию кооперативно-рыночного социализма А. В. Чаянова. Позиция Чернова показательна не только в плане преемственности основных идей народничества и неонародничества, она свидетельствует о восприятии — естественно, сквозь призму своего мировоззрения — некоторых марксистских положений.

Будучи двумя направлениями в общем течении социалистической мысли марксизма и народничества (пролетарский и крестьянский социализм) в течение долгого времени не просто существовали параллельно, а влияли друг на друга, стимулируя поиски социалистической перспективы.

Научный авторитет Маркса признавался Лавровым и Бакуниным, марксистские идеи сказались в изучении Даниельсоном пореформенного состояния русской экономики. В свою очередь постановка проблемы социалистического развития через общину позволила Марксу и Эн-

гельсу по-новому подойти к исследованию процессов, происходивших в странах неклассического капитализма. Представления русских народников о самобытности, особенности исторического пути России подтолкнули их к разработке идеи некапиталистического пути развития.

Все это позволяет сделать вывод о том, что использование таких терминов как «утопическая», «мелкобуржуазная», «несоциалистическая», «реакционная» теория в отношении народничества давно устарело и не выдерживает критики. Пройдя длительный и трудный процесс становления и развития, русский крестьянский социализм внес свой вклад в мировую общественно-политическую мысль поисками в области революционной теории и практики, культурных предпосылок будущего, духовного строительства человека, что по праву позволяет его отнести к достижениям человеческой цивилизации.

Преодолев в своем развитии ряд кризисов, народничество не потеряло актуальности, не утратило своего гуманистического содержания, которое и в конце XIX века привлекало к нему внимание передовых представителей различных слоев населения страны. На рубеже столетий народничество получило новый импульс, новое направление, которое объективно отражало настроение большинства крестьянства России. Требования передачи всей земли тем, кто ее обрабатывает, кооперативная идея социализма стали основой будущей программы партии социалистов-революционеров (эсеров).

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов В. Ф. Революционное народничество. — М., 1965.
- Виденская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начале 80-х годов XIX века. — М., 1979.
- Володин А., Карякин Ю., Плимак Е. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х годов XIX в. — М., 1976.
- Итенберг В. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении. — М., 1988.
- Козьмин В. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». — М., 1933.
- Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. — М., 1986.
- Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. — М., 1990.

- Твардовская В. А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870—1880-х гг. — М., 1969.
- Хорос В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.) — М., 1972.
- Шахматов Б. М. П. Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. — М., 1981.
- Billington J. Mikhailovsky and Russian populism. — Oxford, 1958.
- Carr E. H. Michael Bakunin. — London, 1937.
- Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism: 1812—1855. — Cambridge (Mass.), 1961.
- Pomper Ph. Peter Lavrov and Russian Revolutionary Movement. — Chicago, 1972.
- Populism: Its Meanings and National Characteristics (Ed. by G. Jonescu and E. Gelner). — London, 1969.
- Randall F. N. G. Chernyshevskiy. — New-York, 1967.
- Seth R. The Russian Terrorists: The Story of the Narodniki. — London, 1966.
- Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist Movement in Nineteenth Century Russia. — New-York, 1960.
- Weeks A. The First Bolshevik: A Political Biography of Peter Tkachev. — New-York — London, 1968.